

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-44-56

УДК 821.161.1+372.882

А.В. Давыдова**Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
163002 г. Архангельск, Российская Федерация**

Образ солнца в Северном тексте русской литературы для детей

Аннотация. Цель исследования: статья представляет собой опыт систематизации корпуса произведений, относящихся к Северному тексту русской литературы для детей, в которых возникает образ солнца. Цель автора – впервые на данном материале выявить образно-смысловые и мотивные особенности того сегмента художественной картины мира Северного текста русской литературы для детей, который связан с солярными образами. Методы: с помощью различных видов литературоведческого анализа текста (хронотопического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического) в статье рассматривается образ солнца в произведениях Н. Аутова, В. Бороздина, О. Бундура, Н. Вурдова, Н. Жернакова, Ю. Коринца, А. Миронова, М. Скороходова, С. Радзиевской. Результаты исследования: осуществив комплексный анализ художественного материала, автор выделяет два смысловых варианта образа солнца. Первый актуализирует смысловую оппозицию «день – ночь», реализуется через мотив единства мира и сюжет «праздника солнца». Второй раскрывается через образ белой полярной ночи и связанные с ней мотивы вечности, бессонницы и двоemiрия. В результате исследования автор приходит к выводу: образ солнца в произведениях Северного текста русской литературы для детей занимает значимое место в художественной картине мира, имеет ярко выраженную хронотопическую (является важным элементом художественного пространства и времени) и мифопоэтическую природу, указывает на региональную специфику образа мира (образ белой ночи). Устойчивый характер мотивов и сюжетов (сюжет о «празднике солнца»), связанных с образом солнца, указывает на сверхтекстовую природу Северного текста русской литературы для детей.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, образ солнца в произведениях литературы, художественная картина мира, феномен белых ночей в литературе

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Давыдова А.В. Образ солнца в Северном тексте русской литературы для детей // Литература в школе. 2023. № 6. С. 44–56. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-44-56

© Давыдова А.В., 2023

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-44-56

A.V. DavydovaNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

Image of the sun in the Northern text of Russian literature for children

Abstract. Purpose of the study: the article is an experience of systematizing the corpus of works related to the Northern Text of the Russian literature for children in which the image of the sun arises. On this material, the author aims to identify for the first time the figurative-semantic and motivational features of that segment of the artistic picture of the world of the Northern text of the Russian literature for children which is associated with solar images. Methods: with the help of various types of literary analysis of the text (chronotopic, motivational, mythopoetic, system-semantic), the article examines the image of the sun in the works by N. Aurov, V. Borozdin, O. Bundur, N. Vurdov, N. Zhernakov, Yu. Korinets, A. Mironov, M. Skorokhodov, S. Radzievskaya. Study results: having carried out a comprehensive analysis of the artistic material, the author identifies two semantic versions of the image of the sun. The first actualizes the semantic opposition “day – night”, is realized through the motif of the unity of the world and the plot of the “sun celebration”. The second one is revealed through the image of a white polar night and the motives of eternity, insomnia and the motif of the two worlds, associated with the polar night. The research outcomes are the following: the image of the sun in the works of the Northern text of the Russian literature for children occupies a significant place in the artistic picture of the world, has a pronounced chronotopic (it is an important element of the artistic space and time) and mythopoetic nature, and indicates the regional specifics of the image of the world (the image of a white night). The stable nature of the motifs and plots (the plot of the “sun celebration”), associated with the image of the sun, indicates the supertext nature of the Northern text of the Russian literature for children.

Key words: Northern text of the Russian literature for children, the image of the sun in the literary works, the artistic picture of the world, the phenomenon of white polar nights in literature

CITATION: Davydova A.V. Image of the sun in the Northern text of Russian literature for children. *Literature at School*. 2023. No. 6. Pp. 44–56. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-44-56

Актуальность исследования связана с тем, что в последнее время филологическая наука активно исследует

сверхтексты. Их теоретическое осмысление восходит к работам таких известных отечественных

ученых, как Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Н.А. Купина, Г.В. Битенская, Н.Е. Меднис и др. Особый интерес в науке представляют региональные сверхтексты, в которых возникают оригинальные образы конкретных территорий и концентрированно выражается национальный менталитет. Например, о Крымском сверхтексте пишет С.О. Курьянов («Понятие Крымского мифа как основа Крымского текста» [11] и «Крымский текст как литературоведческий феномен» [10]), о Сибирском тексте – Т.А. Богумил («Кедр как дендробраз Сибирского текста» [2]), А.С. Янушкевич («Дихотомия Сибирского текста» [21]), о Кавказском – И.С. Шульгина («“Кавказский текст”: открытия нового века» [20]) и т.д. Активно сегодня развивается история Северного текста русской литературы (например, в трудах Е.Ш. Галимовой «Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста» [7], «Северный текст русской литературы: методология исследования» [6], А.Г. Лошакова «Сверхтекст и Северный текст русской литературы» [12], А.В. Петрова «Топонимы как выразительное средство в Северном тексте» [16], А.А. Митрофановой «Интертекст Северного текста» [15], В.Н. Матонина «Образы “движения” и “цели” в Северном тексте русской культуры» [13] и др.).

Научная новизна нашего исследования связана с тем, что оно является этапом изучения Северного текста русской литературы для детей, который до сегодняшнего дня системно не рассматривался. На наш взгляд, он представляет собой субтекст регионального Северного текста, ориентированный на читателя в возрасте до 18 лет; это корпус произведений, созданных разными авторами

XX–XXI вв. и воспроизводящих особый вариант северорусской картины мира.

В данной работе рассматривается один из элементов художественной картины мира Северного текста русской литературы для детей – образ солнца. Автор ставит перед собой задачи выявления наиболее значимых семантических характеристик этого образа в контексте исследования категории художественного времени в мало изученных произведениях русских писателей XX–XXI вв., определения его места в художественной картине мира Севера, возникающей в этих текстах, и взаимосвязей с другими образно-мотивными элементами сверхтекста.

Теоретическая значимость исследования состоит в апробации методики комплексного анализа произведений Северного текста русской литературы для детей и литературоведческом рассмотрении недостаточно изученного художественного материала.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении Северного текста русской литературы как регионального сверхтекста.

Материалом для анализа послужили несколько произведений Северного текста русской литературы для детей: роман Н. Аурова «Под полуполночным солнцем»; повести О. Бундура «Заповедный кордон», Н. Вурдова «Робинзны студеного острова», Н. Жернакова «Поморские ветры», Ю. Коринца «В белую ночь у костра», А. Миронова «Остров Розовых Скал», С. Радзиевской «Остров мужества», М. Скороходова «Дым над островом», «Остров Космонавтов», «Тайна

острова Ваули»; рассказы В. Бороздина «Краснозобая птица», «Назарка – житель тундры», «Перед дальней дорогой». Северный текст как региональный свертхтекст с его особыми чертами содержания и поэтики требует и особого метода исследования, который, на наш взгляд, должен отличаться интегративностью, сочетать разные виды литературоведческого анализа (системно-семантический, хронотопический, мотивный, мифопоэтический) с принципами геопоэтического и семиотического подходов.

Образ солнца – один из наиболее архаичных архетипических образов в человеческой культуре – издревле занимал важное место в традиционной картине мира. В художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей, тесно связанной с мифопоэтическими представлениями, образ солнца занимает особое место, поскольку актуализирует мифопоэтическую оппозицию дня (утра) и ночи (вечера) и помогает создать уникальный, отражающий неповторимое своеобразие региона образ белой ночи. Рассмотрим подробнее эти смысловые варианты образа солнца.

При описании утра в Северном тексте русской литературы для детей устойчивым становится единство образов солнца, неба и воды. Например, в повести Н. Жернакова «Поморские ветры» рассветное небо отражается в реке: «Рассвет завладел землей, наконец. Сиверко прошелся по небу, разогнал тучи. Бледная голубень отразилась в притихшей воде. Вдали, у острова Голодая, она блестела расплавленным стеклом» [8, с. 44]. И небо, и река в восприятии рассказчика объединены еще и семантикой

простора; его родной мир – распахнутое вонне пространство: «Погляжу вверх по Двине: простор! Протоки, полои, песчаные островки в голубовато-зеленой дымке – в опуши ивняка. Чайки сумяжутся-толкнутся над водой...» [Там же, с. 13].

В повести Ю. Коринца «В белую ночь у костра» в описании летнего утра после дождя так же соединяются образы солнца и воды: «В это время ненадолго выглянуло солнце, и все вокруг засверкало. Мы пошли назад к палатке в этом сверкающем мире. Над палаткой стояла высокая ель с широкими, мощными лапами, свисавшими до самой земли, и каждая еловая иголочка держала на кончике огромную каплю. Все эти капли переливались в солнечных лучах, как драгоценные камни. “Такую бы ель на Новый год...”» [9]. Это описание, в котором сближается восприятие красоты и сказки взрослым (дядя чуть позже озвучивает вслух невысказанные мысли Миши) и ребенком. Это не только восхищение чудом мира, это и ощущение полного слияния человеческого и природного в красоте земли, это и благодарность за возможность быть сопричастным этой красоте.

Солнце – признак утреннего и дневного света, как и ночные звезды, для героев произведений становится важным ориентиром, приметой, по которой человек прокладывает путь в пространстве Севера. Например, в романе Н. Аурова «Под полуночным солнцем» время основного действия – одно северное лето, период, когда солнце сопровождает человека круглые сутки. В начале пути Тошка записывает в судовом журнале: «Солнце катится над морем на восток, к полуночи. Мы плывем

вслед за ним на всех парусах» [1]. В финале же романа герои поднимают парус и плывут на запад, описывая круг, отмечающий важный этап в их жизни.

Солнце в текстах привносит в мир не только свет, но и цвет. Частотными в описаниях солнца и неба становятся цветовые характеристики. Так, например, в повести М. Скорородова «Остров Космонавтов» читаем: «После метели, которая бушевала на острове больше суток, утром из тумана поднялось большое багряное солнце. Небо – чистое, будто отлитое из голубого стекла» [18, с. 33]. В повести С. Радзиевской «Остров мужества» по вечерам герои так же отмечают красный цвет светила: «А солнце уже чуть не к самым торосам на горизонте снизилось, покраснелось, словно лахтачья кровь до него добрызнула» [17]. О низко поднимающемся и быстро уходящем в начале зимы солнце Ванюшка говорит: «Вишь как заленилось... точно его за ремень кто привязал да вниз тянет» [Там же]. Авторское сравнение с мячом получает солнце, ведущее за собой полярную ночь: «Солнце уже не отрывалось от земли. Один день, словно мячик, оно покатилося по земле, потом до половины и меньше стало показываться, наконец, самая макушка из-под земли покраснелась и спряталась» [Там же].

Солнце, как и море, в повести писательницы изображено не только в реалистическом, но и в народно-поэтическом ключе. Алексей Химков «торжественно», словно читая молитву, обращается к нему: «Батюшка-солнышко, взгляни на нас опять, не забудь!» [Там же]. В синкретичном сознании помора солнце – свет и жизнь – связывается с могучим и милостивым Богом, дарующим на-

дежду на преодоление долгой ночи и смерти.

Солнце на Крайнем Севере становится предвестником весны, возрождения жизни, после многомесячной полярной ночи оно утверждает жизнь, поэтому особое значение в произведениях Северного текста русской литературы для детей имеет неоднократно встречающийся эпизод «праздника солнца». Так, в повести М. Скорородова «Тайна острова Ваули» герой Петя как одно из чудес Севера по дороге в поселок Три Холма видит пробуждение жизнеподателя-солнца. Он с отцом едет по зимней тундре, по голубоватому снегу, который оттеняют выпархивающие из-под копыт оленей белые куропатки. Герой участвует в «празднике солнца»: «Небо с одной стороны было красное. Взошло солнце. Оно немножко повисело над горизонтом и зашло. Вот и весь праздник» [18, с. 62]. Не осознав до конца значимости момента, мальчик становится свидетелем смены полярной ночи полярным днем. То, что на него не производит особого впечатления, является символическим и важным для взрослых: ненец дядя Вася, который их вез, останавливает оленей, чтобы не пропустить важное событие.

Для героя другой повести М. Скорородова «Дым над островом» – Сергея, солнце значит жизнь, оно в изменившемся сознании Окулова преобразует некогда казавшийся мрачным и чужим мир острова: «Он вздрогнул всем телом, когда первые лучи брызнули во все стороны от ослепительно яркого кусочка солнца, вдруг вспыхнувшего вдали над радужной крошкой припая. Розовые лучи становились все ярче, что-то большое,

до боли радостное вливалось в душу Сергея, на глазах выступили слезы.

Снега сияли. Солнечный диск, окутанный паром, будто выкупанный в молоке, поднялся над горизонтом и застыл, величественный, как никогда.

...Пурпурным огнем вспыхнула вершина айсберга, заискрились торопы в проливе, закипел между ними оранжевый воздух, заколыхалась уходящая в бесконечность сверкающая белизна снегов» [18, с. 105]. Праздник солнца, описанный очень лаконично в повести «Тайна острова Ваули», в книге «Дым над островом» приобретает поистине импрессионистические черты. Характеристика недолгого по времени первого появления солнца после полярной ночи сродни изображению северного сияния в конце второй главы. Автор подчеркивает те же внезапность («вдруг») северного чуда, динамичность преобразования мира, интенсивность красок и, наконец, нюансы человеческих эмоций, рожденных сопричастностью природе. Интересно, что праздник солнца, символически связанный с победой жизни над смертью, тепла над холодом, в повести взаимодействует и с мотивом рождения собственно живых существ – щенков верной собаки Окулова – Найды.

Как сказку воспринимает праздник солнца главный герой В. Бороздина из рассказа «Назарка – житель тундры». Сын оленевода Назарка, обеспокоенный тем, что долго не кончается полярная ночь, едет на собачьей упряжке, запряженной верным Пушем, в тундру спасать солнце, которое, как он убежден, заблудилось и не может найти дорогу к их чуму: «Там, между двух холмов, словно костер, разгорается заря. Это солнце.

Оно совсем близко. Скоро выйдет из-за холмов и прогонит ночь... Снег испугается солнца и растает...» [3]. И, как в древней сказке о богатыре, освободившем солнце и вернувшем его людям, герой, выдерживая испытания пургой и ночью, достигает своей цели: «Назарка оборачивается и тут только видит, что пурга кончилась, небо расчистилось, и там, у самого горизонта, в пламени зари показался краешек огненного шара.

– Солнце! Эге-е, солнце! – закричал Назарка. – Я дошел до тебя!» [Там же].

Интересно, что с архетипическим образом солнца и его вариантами – огнем или зарей – в сборнике В. Бороздина часто связан мотив чуда. Солнце, как символ жизни, света и весны, – в рассказе «Назарка – житель тундры»; красное, «как заря» [Там же], оперение казарки, стремящейся в небо, к солнцу («Краснозобая птица»); образы солнца и огня во вставном эпизоде о стланике в рассказе «Перед дальней дорогой». Героиня последнего Олеконе вспоминает рассказ бабушки о северном дереве, которое «встало не в срок» [Там же], отогревшись у людского костра, почувствовав тепло, обманувшись им: «Весной солнце пригреет, стланик почувствует тепло, соки в нем побегут по жилкам, и он встанет. Даже из-под снега... Обманулось... Думало, это солнце греет, а это костер. А он недолгий...» [Там же]. Полуэпическая-полусказочная история об умном, любящем и ждущем солнце стланике используется автором для создания эффекта художественного психологизма: обманувшееся дерево ассоциативно сопоставляется с чувствами Олеконе, переживающей первую влюбленность.

Солнце становится центральным образом в Северном тексте русской литературы для детей, когда речь идет о белой полярной ночи. Часто незакатывающееся солнце воспринимается как символ вечности, бесконечного течения жизни, и его образ сопровождается размышлениями писателей о разумности, гармоничности и чуде мироустройства. Так, время действия рассказов в сборнике О. Бундура «Заповедный кордон» – северное лето, полярный день, когда солнце совершает свой круг по небосводу и не оставляет мир: «Ложусь спать – солнце, просыпаюсь – солнце, но с другой стороны» [4]. Этот особый феномен Севера для автора – повод задуматься о единстве всего живого на земле: «А так все мы под солнцем живем. Все мы – подсолнухи!» [Там же].

В повести Ю. Коринца «В белую ночь у костра» образ солнца устойчиво связан с мотивом цикличности жизни и символическим образом круга: «Солнце медленно совершало по небу свой круг, нигде не закатываясь за сопки, оно медленно карабкалось вверх с востока на юг, а потом спускалось с юга на запад, а с запада, не задерживаясь, опять ползло через север к востоку, ползло низко-низко над горизонтом, а потом опять медленно поднималось вверх, оно... все кружилось и кружилось на краю огромной плоскости, наклоненной к плоскости горизонта» [9]. Круговое движение солнца не только символизирует бесконечное течение жизни, но и тесно связывается с мотивом труда: солнце северным летом работает круглосуточно на благо мира и человека. «Как огромный круглый фонарь» [Там же], оно освещает лесную верфь, помогая героям строить плот.

Сравнение солнца с фонарем поддерживается и образом северного неба, которое сопоставляется с «многоярусным» потолком: «облачный потолок над землей просветлел. В сущности, это был не один потолок, а несколько: облака текли многоярусно. Внизу быстро бежали редкие рваные облака молочного цвета, над ними поспешали облака рыжеватые, дальше – голубые и лиловые, потом облака стального оттенка, выше клубились сине-серые грозовые тучи, а превыше всего сияла нежная перламутровая пелена... “седьмое небо”, как мне сразу подумалось» [Там же]. Особенное северное небо, через которое просвечивает Рай, видится герою потолком; тогда, продолжая ассоциацию, можно предположить, что весь мир – огромный дом для всего живого, где на потолке горит жизнеподатель – солнце.

Образ белой ночи в Северном тексте русской литературы для детей получает устойчивые характеристики. Во-первых, она часто соотносится с мотивом бессонницы. Так, в повести Ю. Коринца «В белую ночь у костра» летний мир Севера существует на грани сна и яви. Главному герою кажется, что река «не хочет спать» [Там же]: «Она неслась через каменные пороги и ревела вся в пене» [Там же]. Солнце так же не спит: «...день и ночь кружилось оно над рекой и сопками, поднимаясь и опускаясь, заливая все своим светом» [Там же]. Человек невольно бессознательно подчиняется этому общему бесконечному движению мира: «Здесь за Полярным кругом, летом почти не спят. Так влияет незаходящее солнце. Отсыпаются зимой, когда ночь длится шесть месяцев» [Там же]. Кроме того, непривычный

яркий, вечный свет белой ночи создает ощущение нереальности происходящего. Возможно, поэтому рассказчик так часто использует различные варианты сравнительного оборота «как во сне»: «Даже странно было смотреть, как он открывает рот и кричит, а звука нет. Только шум реки, как во сне» [9].

Ощущение полуреальности происходящего у героя рождает восприятие Севера на грани вечности и мгновения. В главе «Сколько воды утекло» возникает образ ночного тумана, который, пожалуй, впервые в жизни заставляет рассказчика задуматься над одним из вечных вопросов – о бесконечном и неостановимом течении времени человеческой жизни: «...это самое важное... Это особенно становится ясным, когда сидишь вот так, один ночью, на берегу реки. И не простой ночью, а белой ночью, когда светло, хотя все небо в облаках, а земля в тумане, и солнца нет, и луны нет, и звезд. Только камни, вода и ты.

В такой ночи есть ощущение вечности. Как в бесконечно бегущей воде» [Там же].

Устойчивый мотив бессонницы возникает в связи с образом полуночного солнца и в романе Н. Аурова: уставшее от своей бесконечной летней работы солнце видится героям красным и усталым. Маринка замечает: «Пока мы разговаривали, наступила ночь. Было совсем тихо, море блестело, как каток. Солнце было большое и красное, какое-то усталое. Оно высилось над самой кромкой моря. Мне оно казалось таким слабым, что вот-вот упадет в воду, и ничего от этого не будет» [1].

Во-вторых, образ белой ночи тесно связан с мотивом двоемирия:

мир под незакатным солнцем воспринимается не только на грани сна и яви, но и сказки и реальности. Так, в романе Н. Аурова «Под полуночным солнцем» удивительный по тишине и световым оттенкам закат на северном море воспринимается еще не отринувшим мифопоэтизм сознанием подростка как ожившая сказка. Так видит его единый с окружающим миром саами Степка Анев: «Когда солнце, красное от бессонницы, чуть задремало, привалившись боком к краю моря, – обессилевший ветер, не дойдя до скал, улегся прямо на волнах, чуть пошевеливающихся в дремоте; задремали и остановились облака в небе, задремали чайки на воде...» [Там же].

Рассказчик в повести Ю. Коринца «В белую ночь у костра» так же воспринимает Север на стыке чудесной сказки и реальности. Интересно, что Ю. Коринец не раз замечает, что это не только детское видение этого необычного мира: дядя Миши так же часто ощущает Север как волшебный край, причем чаще всего сказочные мотивы связаны с двумя центральными природными образами повести: рекой и солнцем. Так, маленькие радуги, которые стоят «над порогами в облаках брызг» [9] на Ниве, видятся рассказчику «воротами в невидимый мир» [Там же], а река после сильного ливня ассоциируется с молочными реками в кисельных берегах: «Я смотрел на речку, разлившуюся впереди над берегом, и не узнавал ее! Она вся была коричневая, мутная – кофейная река! Не совсем кофейная, а напололам кофейная – кофе с молоком, как в сказках!» [Там же].

Важной деталью сказочного образа солнца, неоднократно повторяющейся в тексте, является его царственный

золотой венец: «...луна и звезды тоже были видны, когда солнце снимало золотой венец и отдыхало, опустившись к сопкам» [9]. Либо солнце в финале повести ассоциативно напоминает сказочного лебедя, овеванного дымкой волшебного сна: «Спали ветры – и Веток, и Полуношник, и Полудник, – спали камни и песок под ними, и избы на песке спали, блестя глазами на Белое море, и море спало, и белыми челноками спали на воде чайки.

Приплюснутое овальное солнце лежало на море, как лебедь, спрятавшийся под крыло свою голову, розовый лебедь, заснувший на волнах» [Там же]. Анималистическое сравнение солнца с лебедем, думается, неслучайно и мифопоэтично. О связи этих двух образов пишет В.Н. Топоров: «Лебедь связан и с солнцем» [19, с. 41], он же указывает на мотив метаморфозы, трансформации (превращение одного существа в другое, в том числе в лебедя), который часто возникает и в мифах (превращение Зевса в лебедя), и в сказках.

Подробен в описании белой ночи Н. Жернаков в повести «Поморские ветры»: «Ох уж эта белая ночь на Двине! Особенно, когда смотришь на нее в полном одиночестве из окна родной избы. Как заколдованные, стоят дома, ивы около них, тополевая роща у клуба, полуразвалившаяся церквушка в соседней деревне, Погосте. Бледно-серебристый свет льется из-под матового купола небес. Светло, но ничто не дает тени. Так спокойно и мягко глазам. Так тревожно и странно на сердце. Полно! Да и ночь ли это? Не сон ли наяву, когда и душа мечется, и все это грезится, может быть: и эта не дневная светлота, и эти прозрачные не дневные

дали...» [8, с. 80]. Сквозным в описании белой ночи становится мотив границы: в это время мир и человек находятся на грани ночи и дня, тьмы и света, сна и яви, покоя и тревоги. У рассказчика, который сам стоит перед нравственным выбором, белая ночь рождает ощущение полуреальности происходящего; состояние родной природы словно откликается на душевную маяту героя, отражая единство бытия на Севере. Мотив сна, грезы ассоциативно близок и к образу тумана, возникающему в видении Алексея.

В-третьих, при восприятии белой ночи в произведениях Северного текста русской литературы для детей важна точка видения героя и автора. По-разному ощущают ее северяне и не северяне. Так, например, в повести А.Е. Миронова «Остров Розовых Скал» белую ночь по-особому переживает учитель Николай Михайлович Донской, уроженец Белоруссии, проживающий на северном острове чуть больше года. Именно такая точка видения – человека, не привыкшего с детства к незакатному летнему северному солнцу, воспринимающего белую ночь как чудо, тайну, – нужна автору, чтобы в подробностях показать этот феномен природной жизни Севера: «Такая вот светлая ночь по-разному действует на людей. Донскому нравилось молча, неподвижно сидеть у потухшего костра – и смотреть на синие дали, и думать... Ночь зажглась ослепительным светом румяного солнца, снова выглянувшего из-за острой, одетой вечными льдами вершины горы Пахтусова. Море стало вдруг розовым, словно отблески пламени упали на его широкую грудь. Белокрылые чайки, покинув “базар”, прилетели за ранней

добычей и, стремительные и крикливые, замелькали над бухтой хлопьями снега...» [14, с. 35–36]. А. Миронov использует прием субъективации авторского повествования, смещая точку видения автора в сферу восприятия героя, – умного, внимательного, тонкого аналитика, способного видеть красоту мира, человека, сумевшего принять северный остров как вторую родину. Белая ночь в тексте не только маркирует определенное календарное время и время суток, но и становится общей характеристикой состояния мира, меняет привычные днем природные объекты.

Кроме того, именно с ее образом связаны различные варианты условного пространства и времени, возникающие в повести во вставных эпизодах-воспоминаниях (Донской вспоминает свою погибшую в годы войны семью и первое время жизни на острове); снах (ночью накануне шторма и спасения добытой соли Тыко видит тревожный сон); трагической сказке Тыко о белых медведях. Белая ночь способствует условному переходу героя в иное измерение – памяти, подсознания, фантазии...

По-иному описывает белую ночь Н.А. Вурдов, северянин, в повести «Робинзона студеного острова». В его восприятии она наряду с образом Северной Двины становится вечным, вневременным признаком Архангельска: «Спокойная, словно застывшая река отражала голубизну вечернего неба, высокие белые облака. На рейде стояли морские пароходы, отдаваясь короткому отдыху в родном порту. Взад и вперед по реке сновали шустрые буксиры... На Красной пристани и за рекой, на Пирсах, работали краны, загружая ненасыт-

ные трюмы судов. Порт жил будничной хлопотливой жизнью.

Наступала любимая всеми архангелогородцами белая ночь. Солнце опустилось за горизонт, оставив над собой широкую полосу заката. Было светло, как днем, но это был какой-то особый, не дневной свет...» [5, с. 7–8]. Некая будничность, нейтральность тона повествователя тем не менее не отменяет ощущения тайны, которая на Севере становится частью бытия, просвечивает через быт.

Итак, архетипический образ солнца в Северном тексте русской литературы для детей приобретает особые, часто мифопоэтические характеристики. С одной стороны, он, вполне в традициях древних солярных мифов (мифы о близнецах-антагонистах), актуализирует противопоставление утра, дня и ночи, а с другой – по-особому раскрывается в связи с устойчивым образом белой ночи. В первом случае образ солнца связан с мотивом единства мира через близость с образами неба и воды; кроме того, он получает устойчивые характеристики чудесного подателя жизни, противостоящего тьме и ночи через реализацию в текстах устойчивого сюжета о «празднике солнца». В связи с образом белой ночи в произведениях Северного текста русской литературы для детей возникают устойчивые мотивы вечности, цикличности жизни, бессонницы, двоемирия. Кроме того, значимой при ее характеристике становится та точка видения, с которой ведется повествование.

Исследование солярных образов не теряет своей актуальности в современной филологической науке. Так, существует целый ряд лингвистических работ, посвященных анализу концепта «солнце» в языке

(Л.К. Капралова «Лексический фон слова солнце и его синтагматика» (1998), Е.П. Панасова «Концепт “солнце” в русском языковом сознании» (2000) и «Концепт “солнце” в русском языке и речи» (2007)) и художественных текстах (Г.Н. Абреимова «Слова “свет” и “солнце” как основные репрезентанты концепта СВЕТ в творчестве М.М. Пришвина» (2022), Д.П. Моисеева «Лексико-семантические репрезентации концепта “солнце” в произведениях Ф. Мистралья» (2018)). Для нашего исследования в большей степени актуальны работы литературоведческого характера, которые посвящены изучению образа солнца в конкретных произведениях (Ф.С. Степанова «Своеобразие концепта “солнце” в рассказах В.Г. Короленко “Последний луч” и В.Т. Шаламова “Первая смерть”» (2016); Ю.А. Козлова «Мифологема “солнце” в пьесе М. Горького “Дети солнца”» (2017); Г.О. Папшева, Н.В. Голубцова, О.Н. Матвеева «Символика небесных светил в поэтическом тексте Н.С. Гумилева: солярная символика» (2022)), авторы других выходят к проблемам изучения национальной концептосферы на более широком художественном материале

(Е.В. Косинцева «Образ солнца в хантыйской поэзии» (2013), О.И. Пашкевич «Образ солнца в творчестве писателей Якутии» (2014), Е.Н. Рымарева, А.В. Себелева «Трансформация архетипов и мифологем в творчестве обских угров» (2021)). Наиболее значимыми для нас являются труды ученых, посвященные солярным образам в Северном тексте русской литературы. Все найденные нами работы осмысливают феномен белых ночей в поэзии или прозе о Севере: Е.Ш. Галимова «Художественное воплощение феномена белых ночей в Северном тексте русской литературы» (2011), А.В. Петров «“Севера светлое диво”. Белые ночи в творчестве поэтов Русского Севера» (2013). О.В. Пospelова «Образ “полуночного солнца” в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина» (2017). К сожалению, работ, где бы образ солнца в северорусской художественной картине мира был рассмотрен более широко или на материале произведений о Севере для детей, мы в процессе исследования не обнаружили, что свидетельствует о широких научно-исследовательских перспективах поднятой в статье темы.

Библиографический список

1. Ауров Н.П. Избранное. Под полуночным солнцем. Архангельск, 2014. URL: <https://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2016/16kp159/> (дата обращения: 12.11.2023).
2. Богумил Т.А. Кедр как дендробраз Сибирского текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 4. С. 233–248.
3. Бороздин В.П. Большая Хета сердится. М., 1986. URL: <https://libking.ru/books/child/child-prose/363792-viktor-borozdin-bolshaya-heta-serditsya.html> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Бундур О.С. Заповедный кордон. URL: <http://bundur.ru/category/проза/> (дата обращения: 12.11.2023).
5. Вурдов Н.А. Робинзоны студеного острова. Архангельск, 1978.
6. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск, 2017. С. 9–26.

7. Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локально-го сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
8. Жернаков Н.К. Поморские ветры. Архангельск, 1964.
9. Коринец Ю.И. В белую ночь у костра. М., 1973. URL: <https://libking.ru/books/child-/children/92515-yuriy-korinets-v-beluyu-noch-u-kostra.html> (дата обращения: 12.11.2023).
10. Курьянов С.О. Крымский текст как литературоведческий феномен // Вопросы русской литературы. 2014. № 29 (86). С. 176–185.
11. Курьянов С.О. Понятие Крымского мифа как основа Крымского текста // Вопросы русской литературы. 2014. № 27 (84). С. 189–203.
12. Лошаков А.Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск, 2017. С. 26–57.
13. Матонин В.Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 221–223.
14. Миронов А.Е. Остров Розовых Скал. Архангельск, 1947.
15. Митрофанова А.А. Интертекст Северного текста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей. Серия «Поморские чтения по семиотике культуры». Архангельск, 2011. С. 412–421.
16. Петров А.В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте // Филологическая регионалистика. 2010. № 1-2 (3-4). С. 48–53.
17. Радзиевская С.Б. Остров мужества. Казань, 1972.
18. Скороходов М.Е. Северные робинзоны. Приключенческие повести. Архангельск, 1965.
19. Топоров В.Н. Лебедь // Мифы народов мира / под ред. С.А. Токарева: В 2 т. Т. 2. К–Я. М., 1988. С. 40–41.
20. Шульгина И.С. «Кавказский текст»: открытия нового века // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (14). С. 104–109.
21. Янушкевич А.С. Дихотомия Сибирского текста // Евразийский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры / под ред. О.Б. Лебедева. Томск, 2007. С. 334–345.

References

1. Aurov N.P. Izbrannoye. Pod polunochnym solntsem [Favorites. Under the midnight sun]. Arhangelsk, 2014. URL: <http://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2016/16kp159/>
2. Bogumil T.A. Cedar as a dendroimage of the Siberian text. *Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 2022. Vol. 24. No. 4. Pp. 233–248. (In Rus.)
3. Borozdin V.P. Bolshaja Heta serditsja [Big Kheta is angry]. Moscow, 1986. URL: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/363792-viktor-borozdin-bolshaya-heta-serditsya.html>
4. Bundur O.S. Zapovednyj kordon [Protected cordon]. URL: <http://bundur.ru/category/proza/>
5. Vurdov N.A. Robinzony studyonogo ostrova [Robinsons of Cold Island]. Arhangelsk, 1978.
6. Galimova E.Sh. Northern text of Russian literature: research methodology. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa*. E.Sh. Galimova, A.G. Loshakov (eds.). Vol. 1. Arhangelsk, 2017. Pp. 9–26. (In Rus.)
7. Galimova E.Sh. Specifics of the Northern text of Russian literature as a local supertext. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2012. No. 1. Pp. 121–129. (In Rus.)
8. Zhernakov N. Pomorskie vetry [Pomeranian winds]. Arhangelsk, 1964.
9. Korinets Yu.I. V beluyu noch u kostra [On a white night by the fire]. Moscow, 1973. URL: <https://libking.ru/books/child-/children/92515-yuriy-korinets-v-beluyu-noch-u-kostra.html>

10. Kuryanov S.O. Crimean test as a literary phenomenon. *Voprosy russkoj literatury*. 2014. No. 29 (86). Pp. 176–185. (In Rus.)
11. Kuryanov S.O. The concept of the Crimean myth as the basis of the Crimean text. *Voprosy russkoj literatury*. 2014. No. 27 (84). Pp. 189–203. (In Rus.)
12. Loshakov A.G. Supertext and The Northern text of Russian literature. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa*. E.Sh. Galimova, A.G. Loshakov (eds.). Vol. 1. Arkhangelsk, 2017. Pp. 26–57. (In Rus.)
13. Matonin V.N. Images of “movement” and “goals” in the Northern text of Russian culture. *Historical and Social-educational Idea*. 2013. No. 6 (22). Pp. 221–223. (In Rus.)
14. Mironov A.E. Ostrov Rozovyh Skal [Island of Pink Rocks]. Arkhangelsk, 1947.
15. Mitrofanova A.A. Intertext of the Northern text. *Geokulturnoye prostranstvo Yevropeyskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sbornik nauchnykh statey. Seriya «Pomorskiye chteniya po semiotike kultury»*. Arhangelsk, 2011. Pp. 412–421. (In Rus.)
16. Petrov A.V. Toponyms as an expressive medium in the Northern text. *Pfilological Regional Science*. 2010. No. 1-2 (3-4). Pp. 48–53. (In Rus.)
17. Radzievskaja S.B. Ostrov muzhestva [Island of courage]. Kazan, 1972.
18. Skorohodov M. Severnye robinzony. Prikljuchencheskie povesti [Northern Robinsons. Adventure stories.]. Arhangelsk, 1965.
19. Toporov V.N. Swan. *Mify narodov mira*. S.A. Tokarev (ed.). In 2 vols. Vol. 2. K–Ja. Moscow, 1988. Pp. 40–41. (In Rus.)
20. Shulgina I.S. “Caucasian text”: Discoveries of the new century. *Russkij yazyk i mezhkulturnaya kommunikaciya*. 2015. No. 1 (14). Pp. 104–109. (In Rus.)
21. Yanushkevich A.S. Dichotomy of the Siberian text. *Evroaziatskij mezhkulturnyj dialog: «Svoe» i «chuzhoe» v nacionalnom samosoznanii kultury*. O.B. Lebedeva (ed.). Tomsk, 2007. Pp. 334–345. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2023, принята к публикации 30.11.2023
The article was received on 10.11.2023, accepted for publication 30.11.2023

Сведения об авторе / About the author

Давыдова Алёна Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Alyona V. Davydova – PhD in Philology (Literature); Assistant Professor at the Department of Literature, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

E-mail: a.davidova@narfu.ru